

Биологические ресурсы суши

УДК 639.1 : 502.743

ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

*В.В. Дёжкин, д.б.н., проф., В.Г. Сафонов, чл.-корр. РАСХН ГНУ ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства им. Б.М. Житкова РАСХН, г. Киров
E-mail: safonov.vniioz@mail.ru*

Отсутствие официально принятой концепции управления охотничьими ресурсами России в условиях рыночной экономики ведет к задержке принятия Закона об охоте и управлении охотничьими ресурсами уже в течение длительного периода времени. Это, в свою очередь, способствует возникновению целого ряда недостатков и ошибок при административном регулировании рассматриваемой отрасли. В этой связи существует настоятельная необходимость сконцентрировать внимание на экосистемном подходе и формировании матрицы управления охотничьими ресурсами на основе интенсивного использования охотничьих угодий, а также путем развития традиционного природопользования на соответствующих территориях.

Ключевые слова: охотничье хозяйство, экологическая парадигма, комплексное природопользование, биологическое природопользование, биологические ресурсы, природный капитал, экономика охоты.

«Парадигма (от греческого – paradoxos) – пример, образец, исходная концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определённого исторического периода в научном сообществе (государстве)».

Новый иллюстрированный энциклопедический словарь, (2000, с. 538)

Общие предпосылки. Охота, охотничье хозяйство, безо всяких научных рекомендаций, издревле, стихийно, ориентировались на ведущий принцип экологической парадигмы: бери из природы столько, чтобы она не обеднела и оставшегося хватило для воспроизводства. На первых этапах становления цивилизации потребности человека уравнивались его техническими возможностями в использовании природных ресурсов. То есть, в нашем случае, изъятие охотничьих животных, в принципе, не должно отрицательно влиять на их биоразнообразие и не превышать прирост в эксплуатируемой популяции (сообществе). В дальнейшем, конечно, все могло быть далеко от идеала, не было писаных принципов, не было контроля, могло случаться всякое – и переловы, и недоловы. Некоторые виды охотничьих животных, как мы знаем из истории охоты, вообще были истреблены (не охотниками, а хищниками-промысловиками) или погибли в изменённой человеком среде. Этому способствовала не только жажда наживы, но и своеобразная идеология покорения и преобразования природы, торжество которой было обеспечено колоссальным ростом технических возможностей человека на стыке XIX и XX столетий. Эта идеология характерна не только для нашей страны, где она оплодотворялась в первой половине XX в. псевдонаучными взглядами лысенковщины и обеспечивалась

политической поддержкой в ходе индустриализации и осуществления сталинского плана преобразования природы. Несколько раньше молодой и энергичный американский капитализм породил ещё более категоричный девиз «защитить стареющую планету от опустошительного воздействия времени и от немощи» [1]. Однако исходный «парадигменный» непровозглашенный критерий оставался неизменным на протяжении веков. Он не только выживал, но и обретал всё более убедительную мотивацию по мере роста отрицательных последствий в период торжества экономических приоритетов. В 1872 г. в США был открыт первый национальный Йеллоустонский национальный парк, в 1908 г. президент США Т. Рузвельт признал охрану природы самым важным вопросом, стоящим перед народом страны (национальной идеей), а после экологического (чёрные бури) и экономического кризиса середины 30-х гг. прошлого века экологический императив стал облекаться в форму научной теории. Возрождение экологической парадигмы в нашей стране происходило с опозданием лет на 30-40 и формировалось в основном под влиянием переводов на русский язык в 60-70 гг. прошлого столетия ряда зарубежных изданий Ч. Элтона, Ю. Одума, П. Дювиньо и М. Танга, Р. Парсона, К. Уатта и др. В дальнейшем она развивалась применительно к нашим условиям, приобретала научную форму и включалась в число главных понятий охраны живой природы и биологического природопользования.

О комплексном природопользовании. Что же случилось, почему для решения охотничьих проблем мы оказались вынужденными выходить за пределы нашей отрасли? Пользоваться очень широкой терминологией, охватывающей целые государственные системы, и соответствующим понятийным аппаратом? Ведь можно попытаться «изолировать» охотничье хозяйство и «наводить порядок» на отраслевом пятачке. В отдельных случаях, как например, в пределах «царской охоты», в Завидово, это возможно, хотя и с оговорками. Однако, помимо охоты, существовали и существуют иные виды биологического природопользования, сельское, лесное, рыбное хозяйства. Стремительно развиваются многочисленные отрасли промышленного природопользования. Все они предъявляют претензии на пространство, влияют на него, изменяют природную среду, вступают в сложные, подчас конкурентные отношения между собой и с охотничьим хозяйством. Не считаться с этими обстоятельствами в современных условиях невозможно, поэтому еще в 70-х годах прошлого столетия мы обратили внимание на неоспоримую причастность охотничьего хозяйства к системе комплексного природопользования и на необходимость решать основные проблемы охотпользования в рамках этой межотраслевой системы [2,3]. Охотничье хозяйство является вторичным пользователем угодьями. Лесное, сельское хозяйство, мелиорация играют для его объектов всё более значимую средообразующую роль. Поэтому «микробиотехния», проводимая силами и в интересах самих охотничьих хозяйств, несравнима с теми масштабными изменениями среды, которые возникают вследствие сельскохозяйственных и лесохозяйственных мероприятий. Выбор взаимоприемлемых (согласованных) технологий в перспективе возможен только в системе комплексного природопользования [4].

Но оказалось, что недостаточно и этого. Во-первых, необходимейший федеральный закон России о комплексном природопользования так и не был разработан и принят. Охотничье хозяйство остается без государственного прикрытия. Хуже того, перекройка некоторых отраслевых законов, совершаемая под полулегальным напором антиприродного бизнеса, ухудшила условия для ведения охоты, охотничьего хозяйства. Общеизвестный факт – принятие новой ведомственной редакции Лесного кодекса, серьезно затруднившее комплексное использование ресурсов леса, в том числе ресурсов охотничьих животных. Печально и труднообъяснимо, что это происходит в стране, обогатившей мировую науку трудами Г.Ф. Морозова, обосновавшего понятие о лесе как о комплексной биологической системе. Приходится и в этом случае ссылаться на более прогрессивный североамериканский опыт, описанный Р. Парсоном [5]: «Разносторонняя деятельность по охране национальных лесов была узаконена в 1960 г. принятием закона о

многоотраслевом хозяйствовании и поддержании постоянного уровня выхода продукции с территории национальных лесов (Государственный закон № 86-517), который предписывал, чтобы лесная служба обеспечивала использование национальных лесов для отдыха и спорта на свежем воздухе, в качестве пастбищ, источников деловой древесины, естественных убежищ для животных. Сохранялась за этими лесами также их почво- и водоохранная роль».

Подобный пример, к сожалению, не единичен, наше официальное природопользование не стремится к комплексности. Более того произвольное законодотворчество, не опирающееся на единую общепризнанную теорию, осложнило деятельность самих отраслей хозяйства: лесного, рыбного, водного. Они уже и сами попали на место обижаемых и притесняемых. Гендиректор Ассоциации юристов-экологов России А. Веселов на выступлении в Госдуме 15.05.2008 заявил [6]: *«Сфера охраны окружающей среды в России со времен принятия постановления Политбюро ЦК КПСС «О коренной перестройке дела охраны природы в стране» побilo все рекорды по деградации нормативно-правового регулирования, претерпевая ежегодные изменения в худшую сторону».*

С полной уверенностью мы можем распространить эту констатацию и на родственную охране природы сферу – сферу биологического природопользования. Подтверждение этому – произошедшее разрушение традиционных структур управления и экологических принципов деятельности в лесном, рыбном, охотничьем хозяйстве, в системе особо охраняемых природных территорий. Печальный парадокс: имеются вроде бы основания считать, что Россия возвращается к нормам и критериям экономической парадигмы, довлевшей над политикой и хозяйственной деятельностью страны в течение многих советских десятилетий. Однако, этот «откат», по крайней мере, в области биологического природопользования, даже не сопровождается повышением экономических показателей. Во всех перечисленных выше отраслях хозяйства они гораздо ниже, чем до перестройки.

Вызывают недоумение публикуемые в последнее время стратегии устойчивого развития регионов России, в которых полностью игнорируются положения о приоритетности для общества жизнеобеспечивающих функций биосферы по отношению к прямому использованию её ресурсов, что противоречит современному природоохранному законодательству, официально принятым в нашей стране Концепции устойчивого развития (1996 г.) и Экологической доктрине (2002 г.). Одним из примеров является «Стратегия развития Дальнего Востока и Забайкалья», автором которой является губернатор Хабаровского края, член-корр. РАН В.И. Ишаев [7]. В его публикации речь идёт исключительно о подъёме экономики и ликвидации отставания регионов от среднего российского уровня роста ВВП и других показателей экономического развития и отсутствует упоминание об огромных биоресурсах регионов и необходимости их возвращения в хозяйственный оборот. Видимо, в понимании автора это и есть путь к устойчивому развитию.

Переход на парадигменный уровень. Появляется необходимость искать выход из складывающегося нетерпимого положения на уровне более высоком, чем просто комплексное природопользование. Надо спасать не только охотничье, но и лесное и рыбное (а частично и сельское) хозяйства. Выше в государственном законодательстве – только парадигменный уровень. В эпиграфе дано определение этого непривычного для большинства охотников и охотоведов термина. Мы понимаем его, как сложение мыслей и действий преобладающего числа граждан государства на понимание и реализацию главных путей и методов существования и развития. На основную дорогу прогресса при уважении интересов и безопасности граждан и государств и соблюдении интересов природы. Причем в подтексте наших раздумий и действий должен находиться второй важный парадигменный принцип: одним из эффективных методов охраны природы является рациональное использование ее биоресурсов.

Попытаемся пояснить это (собственное) понимание на примере истории нашей страны. Почти сразу после октябрьского переворота и до 80-х гг. XX в. Советский Союз существовал под жесткой эгидой экономической парадигмы, когда главным считалось достижение любой ценой высоких показателей экономики ради ускоренной индустриализации, милитаризации и т.д. В известные моменты истории эта парадигма усиливалась идеологическими методами, и тогда можно было говорить о политико-экономической парадигме. Страшного облика она достигла в период массовой коллективизации, но ее тормозящее влияние ощущалось при осуществлении всех масштабных начинаний советской власти. Интересы природы, естественно, политико-экономической парадигмой игнорировались. Велось концентрированное «наступление» на природу, которая изображалась в качестве серьезного противника социалистического общества и тормоза на пути благодетельного технического прогресса СССР.

Некоторые послабления вроде бы появились в период НЭП, а, когда серьезно улучшились условия жизни населения и начало возрождаться сельское хозяйство на основе личной заинтересованности и проявляться интерес к живой природе. На какое-то время ослабли жесткие рычаги экономической парадигмы. Всем известно, однако, чем это закончилось. В русле экологической парадигмы находилось также создание и функционирование сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ), принципы деятельности которых, однако, серьезно извращались, а их число дважды, в 1951 и 1961, годах резко сокращалось. Любопытно, однако, вознесение этих территорий, хотя и кратковременное, на вершины административной пирамиды, когда управление ими находилось в Правительстве СССР. У кого-то в уме блеснуло экологическое озарение, быстро, однако, погашенное. В наше время таких смельчаков в Правительстве не находится, управление системой ООПТ России ютится на административных задворках.

Но была в России и своеобразная социально-экологическая «отдушина», сохранявшая остатки механизмов саморегуляции и самоопределения населения, российские традиции и нравы, взаимодействие природы и человека (третий исходный принцип). Как можно констатировать сейчас – это территория экологической парадигмы (экологизации социума и социализации экологии). Имеется в виду охотничье-промысловое хозяйство Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера. Экопарадигма проявлялась в нем в различных обликах, в полустихийной форме, вопреки господствующим в экономике догматам. Ее мяли, корежили, подвергали многочисленным преобразованием, пытались впрячь в общую социалистическую упряжь, однако она продолжала жить и осуществлять свое предназначение: сохранять человека в гармоническом единстве с природным окружением. Быть источником трудной, но благодатной жизни.

Экологическая экономика: зарождение и прогресс. В середине прошлого столетия в нашей стране начало формироваться движение против развития экономики за счет экологии. Появились работы А.А. Минца, Н.П. Федоренко, К.Г. Гофмана, П.Г. Олдака, В.Б. Сочавы, Н.Ф. Реймерса и др., обосновывавшие наличие стоимости у природных ресурсов и создававшие методы их экономической оценки. Начало эколого-экономическим исследованиям в США было положено Б. Коммонером публикацией книги «Замыкающийся круг», изданной на русском языке в 1974 г. Им обоснованы понятия биологического капитала (или «скрытого капитала») и полного капитала (затраченные средства производства плюс биокапитал). Родилась экономика природопользования, требовавшая оценки не только экономических, но и экологических параметров при проектировании хозяйственных объектов и обосновании планов отраслевого и государственного развития. Благодаря этому было прекращено проектирование громадных водохранилищ, грозивших затоплением ценных продуктивных земель и месторождений полезных ископаемых, заморожены проекты «поворота» северных рек, приостановлены дорогостоящие и не эффективные проекты гидромелиорации и т.д. В общественном сознании и научной среде той поры зародилась

надежда на формирование, обсуждение и принятие в XXI в. полной и эффективной экологической парадигмы для России. Существенным фрагментом такой парадигмы можно считать Стратегию охраны биоразнообразия в России (2001), одобренную РАН и МПР России. Известным продвижением в необходимом направлении можно считать и Экологическую доктрину РФ, одобренную Правительством (2002). Закон РСФСР «Об охране окружающей природной среды» (1991) содержал многие конструктивные эколого-экономические подходы и прямо отстаивал интересы экологии в государственном развитии России.

Возникли и успешно развивались общественные движения «Зеленых» (вполне приемлемые без крайностей). Ю.Н. Куражковский одним из первых сформировал понятие «биологическое природопользование» [8], принципы которого впоследствии были уточнены В.В. Дёжкиным [9], Е.Е. Сыроечковским и др. Эти ученые, в частности, выступали за рациональное размещение отраслей производства по Земле и за определение целесообразных направлений пользования угодьями по их природным свойствам. Конец XX в. ознаменовался появлением большого числа отечественных и зарубежных научных работ и методик эколого-экономического направления (С.Н. Бобылёв, А.А. Тишков, А.С. Мартынов, О.Е. Медведева, Н.В. Краев и др.) В МНЭПУ в 1998 г. была проведена научная конференция на тему «Экологическая парадигма: выбор России в III тысячелетии». Группа ведущих ученых провозгласила необходимость скорейшего перехода человечества на *экологическую парадигму*, которая, исходя из теории биотической регуляции среды, должна была быть направлена на: сохранение дикой природы; сохранение человечества на Земле; сохранение цивилизации; понимание смысла жизни; создание более справедливой социальной системы; переход от философии войны к философии мира и партнерства; переход к здоровому образу жизни; любовь и уважение к будущим поколениям [10].

Контрнаступление экономической парадигмы. Но светлым надеждам не суждено было сбыться. С началом перестройки происходит, к сожалению, неуклонный откат от экологического пути развития страны и возрождение примата экономики. В 2000 г. безо всяких оснований была расформирована Госкомэкология России. В 2004 г. проведены неудачные реформы управления лесным и рыбным хозяйством России, а охотничье хозяйство и заповедное дело остались вообще без руководящих структур. Вместо прогрессивного Закона РСФСР «Об охране окружающей природной среды» (1991) появился Закон РФ «Об охране окружающей среды» (2002), потерявший значительную часть статей эколого-экономического характера. Поправки к Гражданскому кодексу (2006) почти свели на нет полезные функции Закона РФ «Об экологической экспертизе» (часть потерь восстановлена Президентом РФ в 2008 г.).

Узковедомственные интересы возобладали над общегосударственными при обсуждении и принятии Госдумой новых Лесного и Водного кодексов РФ. На протяжении последнего десятилетия проблемы охраны живой природы и биологического природопользования не ставятся перед страной в докладах руководителей государства Федеральному Собранию. Проведенные реорганизации и сокращения привели к уменьшению контингента служб охраны всех биологических ресурсов и развитию природного браконьерства, которое во многих регионах страны приобрело характер экотеррора. Реализация полезных национальных программ осуществляется иногда без учета интересов глубинных регионов России, традиций и потребностей малочисленных коренных народов. Продолжается концентрация населения в новых индустриальных и аграрных центрах и лишение дефицитных трудовых ресурсов мест сосредоточения естественных биоресурсов. Хотя, конечно, и это следует отметить с удовлетворением, восстановлена часть экономического потенциала страны и ее международный авторитет в ходе реализации новой индустриализации России.

Ориентация на преимущественно экономические показатели деятельности для государства опасны и даже губительны. Эту очевидную истину подтверждает и начавшийся недавно мировой кризис. Еще В. Хесле [11] 15 лет назад предрекал:

«Глубинный уклад нашей современной политики, находящейся в плену у экономической парадигмы, безо всякого сомнения приведет «Голубую планету» к экологической катастрофе».

Содержание экологической парадигмы. Выход один, и с этим согласно большинство прозорливых ученых современности постепенный переход к экологической парадигме. А это означает:

- увеличение доли природоохранных и ресурсосберегающих технологий;
- отказ от необязательного производства товаров и их избыточного потребления;
- повышенное внимание вторичной переработке и использованию отходов;
- предварительная и глубокая экоэкспертиза всех хозяйственных проектов;
- комплексная эколого-экономическая оценка обоснованности и результатов всех видов деятельности;
- постоянное внимание к состоянию и разумному росту использования биоресурсов страны;
- последовательная реализация принципов и методов комплексного природопользования;
- использование методов разумной эксплуатации биоресурсов для их охраны и не истощительного использования;
- изменение психологии граждан и всего общества и постепенный переход от экономических к экологическим приоритетам.
- осуществление принципов экобезопасности государства и отдельных граждан.

Переход государства к очерченной выше экопарадигме требует огромной работы, глубоких перемен в законодательной основе, создания принципиально новой эколого-экономической системы, внедрения соответствующих методов планирования и оценки деятельности государства и т.д. Эти новации должны иметь поистине революционный размах и осуществляться при наличии четкой теоретической основы и всеобщей веры граждан в их необходимость и успех. Конечно, это дело высших законодательных и исполнительных органов власти и большой академической и отраслевой науки. В данной статье нам хотелось бы вкратце коснуться лишь одного аспекта этой необъятной проблемы – экономико-ресурсной. И, в связи с этим, ближайших и отдаленных перспектив одной из самобытных отраслей биологического природопользования – охотничьего хозяйства.

Экономические оценки природного капитала. Когда заходит речь о масштабных переменах государственного порядка и устройства, главный довод оппонентов – нехватка денег в государстве. Этот довод приобретает особую убедительность в эпоху экономического кризиса. И он на самом деле очень важен (хотя на сбережения, полученные в период роста экономики, можно было своевременно реформировать биологическое природопользование, что укрепило бы экономический фундамент России в нынешние кризисные времена). Но – и это очень важно – почти невостребованным остается колоссальный природный капитал, заключенный в биоресурсах биосферы. Ученые, занимающиеся проблемами эколого-экономики, используя разные методики, пытались дать экономическую оценку различным видам биоресурсов, определить ценность биоресурсной составляющей различных экосистем и т.д. Мы воздерживаемся от анализа использовавшихся при этом методик, унификации оценок и полной достоверности приводимых цифр. Главное – величина этих оценок (*табл. 1*).

Таблица 1

Оценка экономических параметров биологических ресурсов, млрд. долл.

<i>Показатель</i>	<i>Доля, период</i>	<i>Стоимость</i>	<i>Источник</i>
Аграрная продукция за счет природных составляющих	Вся	0,2766 – 7,0543	[12,13]
Биогумус сельскохозяйственный	Весь	150 (год)	[14]
Оценка расчетной лесосеки России	Разовая	35	[15]

Валовая выручка от реализации расчетной лесосеки	Вся	1855 (год)	[15]
Оценка биологического запаса ягод, грибов, орехов	Разовая	25	[16]
Оценка рынка лекарственно-технического сырья	В мире	10	[12,13]
Потенциальное потребление ягод, грибов, орехов	За год	100	[12,13]
Вклад в устойчивость биосферы заповедного дела	Постоянный	300	[12,13]

Приведенные в таблице 1 данные свидетельствуют об огромном эколого-ресурсном и экономическом потенциале живой природы. Природный капитал (без водных биоресурсов, ресурсов охотничьих животных и т.д.) оценивается в сотни миллиардов долларов. Если мы вспомним о полезнейшей деятельности почвенных беспозвоночных, животных-опылителей, животных-фильтраторов и некоторых других, то оценки могут возрасти многократно. «...Оценивая приблизительно вклад природных экосистем России в глобальную устойчивость биосферы Земли от 9,5 до 10,5%, – констатирует проф. А.А. Тишков [14] – можно заключить, что общая экономическая стоимость биосферных функций экосистем России составляет не менее 3,0-3,5 трлн. долл. США в год. Средняя оценка биоразнообразия и экосистем мира в 1,8 раза превышает ВВП, создаваемый в мире».

И.П. Глазырина [17] описывает матрицу, в которой наряду со стоимостью использования ресурсов, предлагается оценивать и стоимость не использования биологического капитала. А кроме того, культурно-историческую, эстетическую, культовую ценность ландшафта, моральное удовлетворение от того, что «существование продолжается», стоимость наследования и т.д. Она приводит данные коллектива американских авторов, согласно которым стоимость «экосистемных услуг» Земли по состоянию на 1994 г. оценивалась в 33 268 млрд. долл. США (без экосистем пустынь, тундры, скал, вечных снегов и сельхозземель). Конечно, в этот показатель входит и значительный экономический потенциал диких животных.

На основании приведенных, неполных и отрывочных цифр, мы можем сделать уверенный вывод: человечество обладает огромным биокапиталом, гарантирующим постепенный переход к экологической (эколого-экономической) парадигме. Задача заключается в поисках и внедрении эффективных и гуманных механизмов использования этого капитала в современной модернизированной экономике.

Экологическая парадигма и охотничье хозяйство. *Опыт прошлого.* В соответствии с главной целью статьи рассмотрим возможности охотничьего хозяйства выступить в будущем в качестве важной компоненты экопарадигмы. По нашему мнению, экологизация и независимость от коммунистических догм этой отрасли хозяйства в прошлом была значительно выше, чем у остальных отраслей биологического природопользования. Социально-экономические и экологические особенности охотничьего промысла на огромных просторах Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока в 20-80-х гг. XX в. в парадигменном контексте глубоко не исследовались, но мы уже отмечали выше, что охотники этих регионов были экологически относительно свободны и обладали возможностями регулировать охотничью нагрузку в закрепленных за ними угодьях. Из-за отсутствия необходимых методик истинный экономический эффект разумного охотпользования определен не был, мы предложили схему соответствующих расчетов, для реализации которой требуются значительные усилия и время.

Некоторые экономические оценки охотничьих ресурсов. Методике экономической оценки ресурсов охотничьего хозяйства, в том числе и охотничьих животных, посвящены десятки научных работ и обзоров. Они различаются использованными методиками и выводами. Рассмотрим несколько источников, в которых этим ресурсам даются высокие оценки. При этом мы не анализируем использовавшиеся авторами методики. О.Е. Медведева [18] считает, что восстановительная стоимость охотничьих ресурсов Московской области оценивается в 34351,7 тыс. долл. США. Максимальную

восстановительную стоимость – 50,3 тыс. долл. за голову – имеет зубр. Расчетная стоимость 1 га охотничьих угодий области – 7,39 долл. Валовый доход от охотничьего хозяйства России составляет не менее 6 млрд. долл. [19]. Расчеты потенциальной стоимости ресурсов ценных видов охотничьих зверей России приводят к показателю около 70 млрд. долл. (Дёжкин, Данилкин, Кузякин, в печати). Однако, это верхушка айсберга. Полное социально-экономическое значение отраслей природопользования, занятых эксплуатацией животных ресурсов дикой природы, может быть правильно оценено только на основе целой системы показателей, в том числе и пока совершенно не затронутых экономической наукой. Главные из них:

1) стоимость натуральной продукции, извлеченной из природы, в двух вариантах (первичная продукция):

а) продукция для собственного потребления (любительские охота и рыболовство);

б) продукция товарная, предназначенная для реализации (промысловые охота и рыбное хозяйство);

2) стоимость изделий, полученных из первичной продукции - меха, национальная одежда, консервы, копчения и т.д. (второй уровень); в случае изготовления, например, из мехов, шуб, манто и другой одежды стоимость продукции продолжает повышаться (третий уровень);

3) стоимость товаров и услуг, необходимых для деятельности и отдыха охотников и рыболовов (ассортимент чрезвычайно широк, показатели колоссальны);

4) специальные затраты охотников и рыболовов, позволяющие им осуществлять свою деятельность в соответствии с действующими регламентами – приобретение лицензий, плата за пользование угодьями, арендная плата (условно – плата за охоту и рыбную ловлю);

5) экономическая оценка удовлетворения страсти, получаемой охотниками и рыболовами любителями, а также наблюдателями за жизнью диких животных – «вотчерами» (методика сложна и нуждается в разработке);

6) штрафы и иски, получаемые с охотников и рыболовов за нарушение установленных правил охоты и рыбой ловли, и стоимость конфискатов – все это в качестве компенсации за ущерб, нанесенный природным ресурсам;

7) создание и поддержание рабочих мест в отраслях, обслуживающих охотничье-рыболовное хозяйство – от производителей необходимых товаров и услуг до инспекторов и контролеров служб природоохранных организаций (выплата им заработной платы и вознаграждений);

8) уплата федерального и местных налогов с полученной товарной продукции, изготовленных фабрикатов, произведенной целевой продукции и оказанных услуг, с зарплаты и вознаграждений работников обслуживающих отраслей и учреждений.

9) денежное выражение ущерба, наносимого жизнедеятельностью некоторых охотничьих животных и в связанных с ними катастрофических ситуациях (помещается в убыточную часть баланса) [20].

При исчерпывающем эколого-экономическом анализе ситуации мы, конечно, в первую очередь должны были бы начинать с экономической оценки биомассы охотничьих животных и водных биоресурсов, с оценки их комплексных функций в биогеоценозах и последствий их изъятия, но эта методически трудная и обширная задача выходит далеко за пределы нашей работы. Не исключено, что в результате такого анализа были бы получены показатели экономического эффекта не в сотни миллиардов, а во многие триллионы долларов.

Экономика охоты и любительского рыболовства в США. Уместно привести здесь несколько цифр, подтверждающих на американском опыте высокую экономическую эффективность некоторых отраслей биологического природопользования. В 1996 г. затраты на различные формы рекреационной активности, связанной с дикой природой составили: любительское рыболовство – 37797 млн. долл., любительская охота – 20613

млн. долл., наблюдения за дикими животными в природе – 20000 млн. долл. С этих сумм уплачено в общей сложности в федеральный и штатные бюджеты около 10 млрд. долл. налогов. В отчете неправительственной организации «Американская лига Исаака Уолтона» указано, что охота, рыбная ловля и наблюдения за дикой природой принесли в течение 1996 г. более 254 млрд. долл. в экономику США. Вместе взятые эти виды деятельности обеспечивают 2,9 млн. рабочих мест, давая приблизительно 68,6 млрд. долл. в виде зарплат и более 5 млрд. долл. в виде налогов [21]. Добавим к этому, что мясо дичи высоко ценится в США за его гастрономические и диетические достоинства. В нем велико содержание протеина и мало жира и холестерина. Ежегодно американцы потребляют 750 млн. фунтов этого мяса, что эквивалентно 2 млн. голов крупного рогатого скота. При цене 1,75 долл. за фунт общая стоимость потребляемого в США мяса дичи составляет 1,3 млрд. долл. в год.

В США 34,1 млн. рыболовов-любителей в возрасте 16 лет и старше ежегодно затрачивают на рыбалку 41,5 млрд. долл. Обслуживание их потребностей дает хозяйству США экономический толчок в сумме 116,1 млрд. долл. (табл. 2).

Таблица 2

Формы выгод, приносимых в США любительской рыбной ловлей, млрд. долл.

Показатель	Всего	Рыбная ловля	
		пресноводная	морская
Рыболовы-любители, млн. чел.	34,1	28,4	9,1
Рабочие места	1 068 046	683 892	296 898
Снаряжение	41,5	29,5	11,3
Экономический «толчок»	116,1	74,8	31,1
Зарплата, вознаграждения	30,1	19,4	8,1
Налоги	7,3	4,8	2,0

Занятие рыбалкой создает в стране 1 068 046 рабочих мест с зарплатой (вознаграждением) в 30,1 млрд. долл. Сумма штатных налогов составляет 470 239 851 долл., федеральных – 4 885 011 975 долл. В девяти штатах местный налог не взимается [21].

Итак, экономические показатели любительской охоты и рыбной ловли вполне соответствуют критериям экопарадигмы и могут привлекаться в качестве дополнительных аргументов для трансформации экономической системы государства. Сложности назывались выше: конструирование механизма вовлечения природного капитала в общую экономику России. Необходимость безотлагательно приступить к разработке научных основ формирования и учёта всех элементов (составляющих) полного капитала (основное производство, косвенная и индуцированная деятельность, стоимость природных ресурсов, предоставление рабочих мест и т.д.) очевидна. В этой работе необходимо использовать методы межотраслевого баланса, применяемые в современной экономической науке и методы моделирования природных и социальных процессов.

Наиболее веским доводом в пользу оптимизации управления природопользованием в России является очевидный факт о том, что источником её развития в настоящее время и в перспективе является реализация собственных богатейших природных ресурсов. В структуре её национального богатства природные ресурсы оцениваются величиной около 96% [22]. В высокоразвитых капстранах удельный вес природных ресурсов значительно ниже за счёт большой доли основного капитала, домашнего имущества населения, нематериальных активов и других элементов. Важно, чтобы отдавая должное самобытности нашего развития, мы не пытались «изобретать самовар», игнорируя фундаментальные научные разработки и полезный опыт зарубежных стран. В частности, в 2007 г. Комиссией МСОП, Международным советом по охране дичи и дикой природы (CIC), Федерацией охотничьих и природоохранных ассоциаций Совета Европы (FACE) разработана и одобрена Парламентской ассоциацией СЕ Европейская хартия охоты и биоразнообразия. Её концептуальной основой стали принципы экосистемного подхода

(так называемые Малавские принципы), принятые ранее Конвенцией о сохранении дикой природы и естественных местообитаний в Европе [23]: «Экосистемный подход, будучи базовой матрицей деятельности, охватываемой Конвенцией, должен реализовываться в полной мере при формировании и пересмотре национальных стратегий биоразнообразия и планов действий. Необходимо также интегрировать экосистемный подход в сельское хозяйство, рыбную ловлю, лесоводство и другие хозяйственные системы, которые влияют на биоразнообразие. Менеджмент природных ресурсов в соответствии с экосистемным подходом требует усиления межотраслевых связей и сотрудничества на всех уровнях (правительственные министерства, управляющие агентства и т.д.). Это может быть достигнуто, например, посредством учреждения в Правительстве межминистерских органов или создания сетей передачи информации и опыта». В связи с последней рекомендацией рассматриваемого европейского документа, следует заметить, что в США создано и функционирует нечто подобное – Агентство по защите окружающей среды (исполнительный орган независимый от ведомств Кабинета Министров). Агентство приравнивается в правах к Национальному управлению по авиации и исследованию космического пространства и Комиссии по атомной энергии.

Охотничье хозяйство как компонент экологической парадигмы. Два пути. В одной из своих статей [3], мы обосновали восстановление охотничьего хозяйства России через развитие комплексного природопользования (первый путь) и локальное развитие охоты (второй путь). Обоснованных и грамотных возражений против этой концепции мы не видели. Утверждаем и здесь, что к намечаемой цели лежат два пути. Однако, ход последних событий в законодательстве об охотничьем хозяйстве, настроение охотников и охотоведов и явное запоздание эволюции (а скорее – регресс) комплексных основ заставляют нас поменять местами упомянутые пути. В перспективе неизбежно предстоит двигаться не вопреки, а в соответствии с фундаментальной социально-экологической концепцией сохранения и развития цивилизации.

Первый путь. Создание оптимальных условий для восстановления и развития охотничьего хозяйства на местах, в том числе силами обществ охотников и частных охотпользователей. Принятие федерального Закона об охоте и охотничьем хозяйстве, ориентированного на максимальную оперативную самостоятельность субъектов Федерации в вопросах управления популяциями охотничьих зверей и птиц, в определении животных-объектов охоты, корректировании региональных сроков охоты, территориальном регулировании охотничьей нагрузки и квотировании добычи (кроме охоты на пролетную пернатую дичь), установлении критериев региональной экономики ведения охотничьего хозяйства, расширении прав охотпользователей и т.д. Для этого субъекты Федерации должны иметь возможность периодически издавать собственные законы об охоте и по мере необходимости обновлять правила охоты. За федеральным органом охотничьего хозяйства, статус которого желательно повысить, закрепить разработку государственной охотхозяйственной политики, оказание методической помощи субъектам Федерации, координацию охоты на пролетную пернатую дичь и ведение национальной Красной книги.

Второй путь связан с постепенным переходом страны на принципы комплексного природопользования и (или параллельно) экологической парадигмы. Он может занять десятки лет. На каждом этапе должно возрастать внимание общества, науки и государства к биологическому природопользованию, в том числе к охотничьему хозяйству. Необходима постоянная и грамотная пропаганда в СМИ принципов и преимуществ экопарадигмы развития. Приоритет поддержания глобального экобаланса за счёт сохранения обширных площадей естественных экосистем (т.е. преимущественно за счёт естественной саморегуляции) открывает и перед охотничьим хозяйством широкие перспективы функционировать не только в форме хозяйств интенсивного типа, но и в форме экологически сбалансированного традиционного природопользования. Кроме того,

по мере развития цивилизации интерес общества и тяга пребывания в условиях дикой природы (разумеется, экономически компенсируемые) будут только возрастать.

Литература

1. Дуглас У. Трёхсотлетняя война. Хроника экологического бедствия. – М.: Прогресс, 1975. – С. 153.
2. Дёжкин В.В. Охота в системе природопользования. Охотоведение. – М.: Изд. «Лесная пром-ть», 1972, – С. 32-48.
3. Дёжкин В.В., Сафонов В.Г. Два пути возрождения // Российская охотничья газета, 2007, 3 дек. С. 1-2.
4. Сафонов В.Г. Лесозэксплуатация и биотехнические мероприятия в таёжной зоне // Охота и охотничье хозяйство, 1971, № 5. – С. 19.
5. Парсон Р. Природа предъявляет счёт. – М.: Прогресс, 1969. – С. 218.
6. Веселов А. Сфера охраны окружающей среды в России // Зелёный мир, 2009, № 5-6. – С. 2.
7. Ишаев В.И. Стратегия развития Дальнего Востока и Забайкалья // Вестник РАН, 2008. Т. 78, № 3. – С. 195-201.
8. Куражковский Ю.Н. Очерки природопользования. – М.: Мысль, 1969.
9. Дёжкин В.В. Природопользование. Курс лекций. – М.: МНЭПУ, 1997. – 87 с., 2001. – 96 с.
10. Арский Ю.М., Данилов-Данильян В.И., Залиханов М.Ч., Кондратьев К.Я., Котляков В.М., Лосев К.С. Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? Учебное пособие. – М.: Изд. МНЭПУ, 1997. – 332 с.
11. Хесле В. Философия и экология. – М., 1994.
12. Тишков А.А. Экосистемные услуги России в оценках «Целей тысячелетия» и в системе индикаторов её устойчивого развития. Мировые экосистемы и проблемы России. – М.: ТНИ КМК, 2006. – С. 146-176.
13. Тишков А.А. Биоразнообразие и проблема бедности в России / Природопользование и устойчивое развитие. Мировые экосистемы и проблемы России. – М.,: ТНИ КМК, 2006. – С. 198-229.
14. Конин С.С. Вермикультура и бизнес. Зоокультура и биологические ресурсы / Матер. научно-практической конф. (4-6 февраля 2004 г.) – М.: ТНИ КМК, 2005. – С. 69-70.
15. Обыденный П.Т. Экологическая роль леса в биосфере // Бюлл. использование и охрана природных ресурсов в России, 2004. № 5. – С. 23-33.
16. Егошина Т.Л. Недревесные растительные ресурсы России и их использование // Бюлл. использование и охрана природных ресурсов в России, 2005. № 4. – С. 104-111.
17. Глазырина И.П. Природный капитал в экономике переходного периода. – М.: НИИ-Природа, РЭФИА, 2001. – 202 с.
18. Медведева О.Е. Методы экономической оценки биоразнообразия. Теория и практика оценочных работ. – М.: Эколого-просветительный центр «Заповедники», 1999. – 119 с.
19. Ключев А.Г., Вашукевич Ю.К., Сухомиров Г.И. Экономика охотничьего хозяйства. – Иркутск, 2007. – 551 с.
20. Дёжкин В.В., Сафонов В.Г. Живая природа как источник экономических ценностей // Бюлл. «Использование и охрана природных ресурсов в России», 2004. № 2. – С. 75-88.
21. Дёжкин В., Кузнецов Е. Охотничье хозяйство Северной Америки и российские реалии: обоснованность сопоставлений // Охота и охотничье хозяйство, 2004. № 9. – С. 40-43; № 10. – С. 42-44.
22. Количественная и качественная оценка природных ресурсов // Бюлл. Использование и охрана природных ресурсов в России, 2001. № 1-2, спецвыпуск. – С. 8-9.

23. Матвейчук С. Для настоящих и будущих поколений. Охота // Национальный охотничий журнал, 2008. № 5-6. – С. 12-17.